

18+

Иван Валеев

БЕЛУЖИНСКИЙ
УЗНИК

Сборник рассказов

Иван Валеев

**Белужинский узник.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Валеев И.

Белужинский узник. Сборник рассказов / И. Валеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938071-5

Одна повесть, несколько рассказов. Да, я хочу, чтобы Вы испугались. Или
рассмеялись. Или хитро и со значением прищурились. Или прикрыли лицо
рукой. Ненадолго. Посмотрим... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938071-5

© Валеев И.
© Издательские решения

Содержание

Белужинский узник	6
Пятое августа	6
Федор Христофоров	7
Руководство по эксплуатации	9
Историческая справка	10
Федор Христофоров	11
Ирина Коренева	13
Федор Христофоров	14
Шестое августа	15
Даниил Кротов	16
Федор Христофоров	17
Даниил Кротов	18
Петр Медынец	19
Федор Христофоров	20
Петр Медынец	21
Руководство по эксплуатации	23
Федор Христофоров	24
Петр Медынец	25
Даниил Кротов	26
Ирина Коренева	29
Петр Медынец	31
Федор Христофоров	33
Петр Медынец	34
Руководство по эксплуатации	36
Ирина Коренева	37
Федор Христофоров	38
Ирина Коренева	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Белужинский узник Сборник рассказов

Иван Валеев

Фотограф Иван Валеев

© Иван Валеев, 2024

© Иван Валеев, фотографии, 2024

ISBN 978-5-4493-8071-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белужинский узник
Повесть

Пятое августа

Федор Христофоров

Болота горели шестой день.

Федор Христофоров посмотрел на часы. Рабочий день библиотеки закончился сорок минут назад, но уходить не хотелось. На работе было спокойно. Четыре посетителя за день! Дома, конечно, тоже неплохо, но если содержимое едва справляющихся с жарой холодильников было практически идентичным, стоит ли туда тащиться?

Так ничего толком и не решив, Федор выключил компьютер, переобулся из новых сандалий в старые разбитые ботинки, выбрался из-за стола – и споткнулся о стоящую на полу картонную коробку.

– Черт! Забыл совсем.

Коробку приволок часа в три пополудни какой-то незнакомый смурной мужичок. Поставил на стол, помолчал, отдуваясь, брякнул: «Это вам, книжки» – и был таков. Потом зашел еще кто-то, полистать недельной давности газету, Федор убрал со стола мешавшуюся коробку... И все.

Он воткнул библиотечный ключ в ленту склеивающего клапаны коробки скотча, заглянул внутрь и обреченно вздохнул. Она была доверху набита карманными дамскими детективами. Растягивать удовольствие от внесения свалившегося на голову богатства в базу данных можно хоть до Нового Года. Но Федор решил все-таки достать книги и рассортировать по фамилиям.

В нижнем ряду ассортимент оказался поразнообразнее: кроме трех изрядно потрепанных зеленых книжек «классической и современной прозы» и пары черно-оранжевых «альтернативных», там оказался тощенький самодельный томик все того же карманного формата; набитое по старомодному трафарету на потрепанную, заклеенную скотчем обложку название гласило: «Руководство по эксплуатации». Сунув «Руководство» в карман безрукавки, Федор отнес опустошенную коробку в дальний угол библиотеки – пригодится, – и через пару минут уже запирали наружную дверь.

Можно было бы и не запирали, но порядок есть порядок.

После работы он, как обычно, заглянул в единственный в поселке продуктовый магазин. Пожилая, крайне жизнерадостная продавщица Алена Петровна, одна из немногих постоянных посетительниц библиотеки поприветствовала его дежурным:

– Добрый вечер! Как себя чувствуете?

– Здравствуйте, – улыбнулся Федор. – Нормально.

– Жара...

– И дым, чтоб его. Мне бы сырок плавленый. Два. Батон белого. – Он подумал и добавил: – Да, и воды ноль пять, без газа.

Алена Петровна быстро собрала все в пакет и протянула покупки Федору:

– Держите, Федя. С вас девяносто пять с копейками... Заходите еще!

– Ну, куды ж я денусь?.. Как вам книжка?

Алена Петровна просияла:

– Ой, начала читать – не могу оторваться! Правда, пока не все понимаю... Но очень интересно. Наверное, скоро приду за новой.

– Не спешите. Я вам пока еще что-нибудь подберу. До свидания.

Федор пришел на реку. Ему нравилось сидеть на крутом берегу реки, прислонившись спиной к старой березе, читать, есть плавленые сырки и смотреть, близоруко прищурясь, на реку или на другой берег, затянутый сейчас дымком от мирно тлеющего торфа. Пожаров никто не боялся – огню через реку не перебраться, а дым... Что дым – и похуже видали.

Иногда, впрочем, взгляд Федора цеплялся за скучное серое восьмиэтажное здание бывшего, как его называли, «почтового ящика» (одноэтажный, притулившийся у самого забора административный корпус внимания не привлекал). На почтовый ящик здание походило мало, скорее уж на потерянную безголовым почтальоном посылку, в которой революционным, насквозь противоестественным путем зародилась жизнь, доэволюционировать ни до чего не смогла, да так и загнулась.

Чем в «ящике» занимались во времена оны, Федор не знал. Он, конечно, задавал старожилам наводящие вопросы, но те в ответ лишь пожимали плечами и сходились на «физике» или «химии», и лишь один крепкий мрачноватый старикан Митрич, подмаргивая левым глазом, бурчал что-то насчет связи. Тоже, в принципе, «физика». А когда Федор попробовал выяснить что-нибудь у охранника Игнатича, что безвылазно сидел в будочке у ворот «ящика», тот напустил на себя важный вид и заявил: «Не положено, понял!».

Ну, должна же быть в городе какая-то загадка?

Федор добрался наконец до своей любимой березы, уселся на траву и развернул первый сырок «Дружба». Отсюда можно было начинать думать о вечном или...

Федор вытащил из кармана свежееоткопанную книжку и с сомнением повертел ее в руках.
– Артефакт, – проворчал он.

На форзаце книжки имелся нарисованный от руки план, на котором был изображен...

Федор поднял голову и уставился на «почтовый ящик». Ему как-то попала карта города Белужина – старая, советского еще производства, и на ней никакого «ящика» не было, а было обычное среднестатистическое болото. А новыми картами он не интересовался.

Здесь же был изображен берег речки Белужги, тот самый его участок, географическим центром которого являлась старая береза.

Федор перелистнул страницу.

Руководство по эксплуатации

Возблагодарим Господа нашего за ограничения, наложенные Им на скорость передвижения в Пространстве Межзвездном, ибо невозможность перемещаться в Оном быстрее скорости света есть свидетельство Его к нам благорасположения.

Церковь Блаженной Тишины во Мироздании.

...Ошибочка вышла...

Они же позднее

Историческая справка

Крошечное безымянное поселение на левом берегу речки Белужги возникло в конце восьмисотых годов нашей эры, лет за сто до крещения Руси. Насчитывалось в нем едва ли полтора десятка домишек, словно бы сторонившихся дороги Н-ск – Е-мц (позже – Белужного Тракта).

Редкие путники, случайно забредшие в это поселение, после изумлялись доходившей до враждебности замкнутости поселян. Чужаков здесь не любили, а потому те старались убраться подобру-поздорову. Обычно удавалось. Слухи ходили разные, однако странное дело – очень быстро они забывались всеми, кроме разве что самих рассказчиков. А поскольку деревушка имени своего не имела, то сидящие где-нибудь на постоялом дворе или в харчевне двое путешественников, что рассказывали друг другу один про Смурное, другой про Поганки часто и не догадывались, что говорят об одном и том же.

Крещение деревню если и затронуло, то вскользь. Церковь построить никто не пытался аж до Ивана Третьего. Попытка оказалась неудачной, и скоро о деревне опять забыли.

В самом конце семнадцатого века представители стремительно нищавшего дворянского рода Кундюковых набрели на эту деревушку, без особых сомнений назвали ее Кундюковкой и даже выстроили небольшую аккуратную усадьбу. Деревенские были не против. Они, казалось, вовсе не заметили прибытия, а равно и исчезновения дворян, которые сгинули еще до отмены крепостного права.

После революции ни от усадьбы, ни от самой деревеньки не осталось и следа.

А в тысяча девятьсот пятьдесят первом году на берегу реки Белужги был заложен поселок городского типа под названием Белужин.

Федор Христофоров

Буквы на страницах «Руководства» различать стало тяжело. Федор оторвался от книжки и посмотрел наверх. Темное небо было на удивление чистым, несмотря на гарь, и кое-где уже проглядывали бледноватые звездочки. Луна же в последнее время предпочитала висеть в небе в светлое время суток, а ночью старалась нырнуть поглубже в лес и не отсвечивать.

Федор покосился на «ящик».

В одном из окон здания что-то блеснуло. Федор подобрался и напряг зрение, жалея, что опять забыл футляр с очками на работе. Наверное, Луна все-таки вылезла и отражается...

Во втором слева окне второго этажа здания появился слабый свет, голубой, как от бактерицидной лампы. Свечение это разгорелось сильнее, устоялось, пульсируя, потом переползло в соседнее справа окно, повисело там и неспешно стекло на этаж вниз. Затем оно осветило изнутри входную стеклянную дверь – и угасло.

Федор понял, что ему надо домой. Вот прямо сейчас. Только ноги вот распрямить, а то затекли – и домой. Федор медленно распрямил ноги, подождал, когда к ним вернется чувствительность, и встал, опираясь на всякий случай о шершавый ствол дерева. Домой, домой. А вот следует ли оповещать весь интернетофицированный мир о «таинственном голубом свечении в почтовом ящике»... В конце концов, галлюцинации – дело субъективное, а потому глубоко личное.

От реки отделилось темное пятно и двинулось к березе, взбираясь по крутому берегу. Приближаясь, оно вытягивалось вверх и светлело.

Федор застыл. Несколько не желавших кончающихся секунд он смотрел на превращения пятна, не в силах пошевелить ни пальцем, ни даже языком. Сморгнуть – и то не мог. А оно остановилось метрах в шести от Федора – и оказалось похожим на человека, одетого в короткий светло-серый плащик, шляпу того же цвета с коричневой лентой на тулье и черные брюки.

«Показалось, что ли?» – подумал Федор.

Человек поднял голову, внимательно посмотрел сквозь стеклышки узких прямоугольных очков в лицо Федору и сказал едва слышным прерывающимся голосом:

– Добрый... добрый вечер. Не ухо... ди, пожа... луйста. Я не причиню тебе вреда...

Выдав скороговоркой последнюю фразу, человек умолк. Казалось, он все никак не может отдышаться после подъема, словно взбирался на восьмой этаж без лифта... а не спускался со второго.

Если он спускался, конечно.

Федор почувствовал, что паралич прошел и он снова может двигаться. Но что его обездвижило: испуг или, может быть, какое-то воздействие «незнакомца»? Помедлив, Федор решил ответить:

– Здравствуйте. Я...

Человек зашипел и, выдернув руки из карманов, зажал уши:

– Тише, по... жалуйста... И стой где... стоишь.

Федор, невольно сделавший шаг к незнакомцу, послушно остановился и, когда тот отнял ладони от ушей, шепотом спросил:

– Так?

– Да. Я слышу, – кивнул человек.

– Что вам?.. – Федор помедлил, формулируя вопрос. – Я могу чем-то вам помочь? – нашелся он наконец.

– Да. Меня... – Мужчина запнулся. – Нам нужна помощь. Только ты способен... помочь. Понимаешь...

Тут он умолк и словно провалился в землю по щиколотку. Федор снова шагнул к незнакомцу – и снова был остановлен жестом.

– Нет... Все в... порядке. Не здесь. Я просто... Нам нужна помощь, – повторил он, поднимаясь.

– Я слушаю, – сказал Федор.

– Ты готов нам по... помочь?

Федор провел языком по губам.

– Не знаю. Чем? Кому «вам»? Вообще – почему я?

– Тише, прошу тебя. Нам – это... это нам... Не знаю. Не понимаю, зачем объяснять... Они... мы заперты... там. – Мужчина указал рукой за спину, туда, где, уже едва различимое в темноте, стояло здание «ящика». – Понимаешь? Нас заперли... давно. И забыли. Ты... поможешь?

– Не знаю. Как?

– Если ты согласен, ты узнаешь... завтра узнаешь... все.

– Хорошо. Я... – Федор замялся. – Но почему – я?

– Ты... один, больше никто... не поможет. Они... мы знаем. Некем тебя заменить. Некому.

Федор помотал головой и ущипнул себя за руку, выронив книжку. Мужчина в плаще никуда не исчез. Не сработало. Хороший сон, качественный. Что за черт, единственный и незаменимый... Избранный. Кем-то и для чего-то.

Нельзя, что ли, что-нибудь поубедительнее было придумать?

– Все узнаешь... завтра... все... – настаивал незнакомец сбивчиво.

И Федор решился.

– Хорошо, – твердо сказал он. – Я помогу. Что я должен сделать?

– Завтра... Приходи завтра...

Мужчина развернулся и заспешил к реке, постепенно становясь ниже – а потом его серые шляпа и плащ совсем растворились в темноте.

Ирина Коренева

Она долго не могла понять, где находится. Молча, в кромешной тишине, она глядела словно сквозь дымчатую вуаль в бездонно-черное с искорками ослепительно белого, не будучи в силах шевельнуться или хотя бы просто закрыть глаза. И еще она чувствовала, что у ее ног сидит кто-то маленький, может быть, пес, или кот, или...

Поле зрения развернулось, и она поняла, что черное с искорками – это ночное небо, что под ногами у нее земля, и что там, прислонившись к ней спиной, сидел человек, которого она может видеть едва ли не со всех сторон одновременно. А человек сидел, положив на колени книгу, и всматривался куда-то вдаль.

Она увидела эту книгу – и вздрогнула, зашелестев, от догадки, мелькнувшей в ее сознании. Она знала, где находится, и понимала, что это может означать.

Но додумать ничего не успела. Поле зрения свернулось в трубу, в которую можно было увидеть лишь большой серый параллелепипед знакомого восьмиэтажного здания, в котором появился силуэт Слуги. Того самого, чье место она когда-то заняла.

Слуга неспешно выбрался из здания, пересек луг, потом реку, и вскоре подобрался к женщине – нет, к тому человеку, что сидел – теперь стоял – у ее ног.

«Уходи!», хотела крикнуть она, не зная точно кому, но не могла. Нечем было кричать.

Тогда она попыталась добраться до Слуги – и ей это удалось. На мгновение его защита ослабла, и женщина смогла уловить, что он предлагал человеку с книгой.

Потом слуга поспешил назад, и она попыталась еще раз.

Федор Христофоров

– Завтра, – пробормотал Федор и вдруг спохватился: – Эй! А во сколько и куда?
Одновременно с криком Федора со стороны железной дороги раздался гудок «беркута». Мужской силуэт вспух, стал темнее – и испарился. Федор бросился к реке и почти у самой воды обнаружил россыпь серых кристалликов, поблескивающих в неверном свете звезд.
Незнакомец пропал. И привидится же...

Шестое августа

Даниил Кротов

В 8:45 огуречного цвета жигуленок пересек железнодорожные пути и по раздолбаной асфальтовой дорожке устремился к бывшему «отделению связи», оно же «почтовый ящик Сетунь-восемь». Два здания и три мусорных бака были окружены символическим заборчиком из сетки-рабицы с витками колючей проволоки поверху. У распахнутых ворот стояла небольшая будочка охранника; облезлый шлагбаум, что должен был перегораживать дорогу, торчал почти вертикально.

Сержант Кротов толкнул локтем напарника и, убедившись, что тот вышел из спящего режима, подвел машину к паре пожарных, которые спокойно перекуривали у мусорных баков. Кротов заглушил мотор

– Доброе утро, товарищи пожарные! – бодро, но не очень внятно сказал Медынец, открывая дверцу. – Лейтенант Медынец. Что тут у вас?

– Доброе, – отозвался русоволосый и сероглазый пожарный, похожий на комсомольца с советского плаката и представился: – Паша. Долго вы, однако...

– Да, черт, нас сначала в Велужбин направили. Идиоты... И так?

– И так. Поступило сообщение, что там, – Паша мотнул головой в сторону здания, – произошло возгорание. На втором этаже, второе окно слева.

Полицейские одновременно повернули головы. Окно как окно, стекло цело, и даже какое-то зеленое растение виднеется на подоконнике.

– Предполагаете, что из-за пожаров? – спросил Медынец.

– Ага! – радостно ответил пожарный. – Из-за них! А как же!

А второй, невысокий, чуть полноватый мужичок с отечным лицом, безмятежно взглянул на Медынца и аккуратнейшим образом затушил сигарету о бортик мусорного бака перед тем, как щелчком отправить туда окурок. Медынец, проследив за полетом бычка, только кашлянул с досады: бак был на три четверти заполнен разными бумажными отходами.

– Хулиганство, – буркнул Кротов. – Кто звонил?

– Некто Королев Иван Дмитриевич, пенсионер...

– Пенсионеры – бдительный народ. И чего ему не спалось? – проворчал Медынец.

– Рыбу ловил.

Кротов снова посмотрел на окно.

– А как пенсионер обосновал вызов?

– Да никак! – рассмеялся полноватый пожарный. – С ним не мы говорили. Это теперь ваша забота.

– А как тогда?..

– Это он диспетчеру рассказал. Про себя, про рыбалку, про маленькую пенсию... Номер мобильного тоже должны были записать. А скорую мы отменили, как только приехали.

– Прекрасно. Пройдусь-ка я туда. – Медынец кивнул в сторону «ящика». – Заодно и умоюсь.

– наших встретите – поторопите. Что-то они там застряли.

Федор Христофоров

Проснувшись, Федор вспомнил минувший вечер и подумал, а не сон ли ему приснился? Симптомы совпадали: неспособность двигаться, превращения, исчезновение логики при попытке изложить события. Странно было лишь то, что удалось запомнить диалог дословно... А, дословно ли? Наверняка половину выдумал. Или даже весь.

Федор поставил на плиту чайник и попытался вкратце записать то, что осталось в голове, в тетрадку. Получалась неплохая заготовка для рассказа. Не бог весть какая оригинальная, «передайте привет Крису Картеру» и все такое, но – неплохая. Оставалось придумать, что будет дальше.

Некстати вспомнился эпитаф из «Руководства по эксплуатации». «Избранный во Спасение»... Бр-р-р. Названьице... Ну да сойдет пока. А там на досуге или на работе – что суть одно и то же – можно будет додумать.

Тут он подхватился и выбежал в прихожую, где на крючке висела безрукавка. Обхлопал карманы и выдохнул – книжечка была на месте.

Допил кофе, прихватил со стола мобильник, позвенел в кармане ключами. В коридоре сунул ногу в ботинок и поморщился. Видимо, вчера вечером – во сне? – он слишком близко подошел к воде и умудрился незаметно для себя промочить ноги. Сунув в ботинки по электросушильнику, Федор обулся в парадные, страшно неудобные остроносые туфли и, звонко стуча каблуками, вышел на улицу.

Даниил Кротов

Торопить никого не пришлось. Стоило им войти в пустой пыльный вестибюль «ящика» и подойти к неработающему лифту, как на лестнице раздались шаги, и навстречу вышли трое местных полицейских, двое пожарных и двое же пожилых людей – вероятно, одним из них и был тот бдительный пенсионер.

– Здравствуйте! – радостно сказал невысокий, чуть прихрамывающий дедок с торчащими во все стороны редкими черными волосами и в каком-то совершенно затрапезного вида пиджачке, глядя на Медынца. – Опять к нам?

– Доброе утро. – Тот поморщился. – Лейтенант Медынец, сержант Кротов. Что там?

– Доброе, – с некоторой ленцой отозвался полицейский в расстегнутой чуть ли не до пупа форменной рубашке с короткими рукавами. – Участковый Михайленков. Долго вы, однако.

– Заблудились, – буркнул Медынец, чтобы не повторяться. – Ну так что?

– Да ничего. – Участковый покосился на второго пенсионера в панаме и безрукавке цвета хаки, выгоревших на солнце, и черной майке с надписью «Ассепт». – Вот, знакомьтесь: Иван Дмитриевич. По его милости мы здесь и ошиваемся. Иван Дмитриевич, расскажите вот господам из Москвы, на кой черт вы нас всех переполошили?..

– Подождите, Михайленков. – Медынец потер руками лицо. – Вас тут не было два года назад, правильно? А Иван Дмитриевич был...

– Вот именно! – воскликнул пенсионер бодро, как будто не он проснулся раньше всех остальных. – Я зря еще никого ни разу не побеспокоил! – Участковый пробурчал что-то объемистым животом; Иван Дмитриевич только зыркнул на него недовольно и продолжил: – Значит, как дело было. Стою я на берегу, с удочкой, значит, удю...

Петр Медынец

Медынец подходил к знакомому кабинету не без содрогания. Он снял бумажки, которыми, за неимением лучшего, опечатали дверь, и осторожно приоткрыл ее.

Пусто.

Смешно было бы ожидать, что все останется как он запомнил.

– Ну, что думаешь? – спросил он.

– Проникновение со взломом, – тут же отозвался Кротов.

– Не было взлома.

– Не было, – согласился Кротов, осматривая развороченный косяк. – Сторож сказал, что так и было. Значит, с того раза не ремонтировали. А что еще? «Стояло жаркое засушливое лето, горели конопляные поля»?

Медынец усмехнулся:

– Знаешь, что... Дуй-ка в библиотеку. Подними местные газетки за позапрошлый год.

– Ты думаешь, опять они?

– Не знаю. Но вероятнее всего – да. Давай-давай, в темпе. Я серьезно. Проверь, вдруг что еще случилось.

Кротов развернулся, подошел к двери и щелкнул ногтем по календарю:

– Видел?

Медынец кивнул:

– С тех пор не поменяли.

На календаре было девятое сентября две тысячи тринадцатого.

Федор Христофоров

Заявившись в библиотеку вовремя – редкий случай, – Федор с наслаждением переобулся, включил компьютер и открыл браузер. Что там в мире делается?

В мире делалось. Заголовок одной из новостей на главной яндекса гласил: «Пожар в Белужине: жертв и разрушений нет».

Федор отмер, аккуратно уселся на вертящееся кресло на колесиках, ухватился покрепче за подлокотники и принялся думать. Думать было особенно нечем; в голове не переставая крутилось «ни фига себе рассказик получается» и забивало всю оперативную память.

Наконец, оторвав одну руку от подлокотника, Федор развернул новость и открыл одну из статей по теме. Статья, по счастью, оказалась предельно лаконичной:

«В ночь с пятого на шестое июля в бывшем здании отделения связи поселка городского типа Белужин произошло возгорание. К шести часа утра шестого июля пожар был ликвидирован. Жертв и разрушений нет. Пожарные связывают возгорание с протекающими неподалеку от здания торфяными пожарами. Следствие ведется».

Под этой новостью уже красовались два комментария, видимо от местных жителей:

Dustoevskii: Держитесь подальше от торфяных болот.

Blank_Frank: Где торф, где ящик?!

Второе замечание было вполне резонным. Торфяники начинались приблизительно в километре от стен здания. Теоретически, конечно, могло полыхнуть и по этой причине, только для этого следовало обложить «ящик» соломой.

Пожар означал одно: с фиксацией рассказа о ночном незнакомце и Тех-Кто-Заперт-Там следовало повременить. До выяснения обстоятельств.

Заглянув на полуофициальный сайт городка, Федор обнаружил, что кто-то из доброхотов уже успел сфотографировать у потушенного здания пожарную машину, изрядно потрепанный полицейский автомобиль и средней запыленности зеленый жигуль. Насчет последнего сразу возникли вопросы:

Mint: Почему машинку брали? Хочу такую же!

Pfvel79: Огурцы приехали?

Blank_Frank: Между прочим, у американцев «огурцы» – это ЦРУ.

Pfvel79: Пруф?

Пруфа не было. Неудивительно. И правда, что это за «у американцев»?

А вот вопросов по поводу фотографии самого здания не возникло. Хотя и должны бы. Потому что никаких следов пожара не наблюдалось.

Петр Медынец

Оставшись один, Медынец насторожился. Он чувствовал... присутствие. Иначе не скажешь. И не где-то за спиной, а словно прямо перед ним.

Два года назад докопаться до правды не удалось. Помешали. Свои же помешали!.. Чертовски обидно. И вот теперь – второй шанс.

Наверняка это те же самые ребята, которых тогда разогнали. Сбежали все, кроме библиотекарши – тетки лет тридцати на вид, но с какой-то жуткой кожной болезнью – да еще нескольких трупов, среди которых был прошлый сторож «ящика», пара полицейских и двое или трое «сектантов», как их называли.

Одного из них тогда пришил Кротов.

...Вломились в здание «ящика» восьмером. Шестеро рассредоточилось по первому этажу, а Кротова и Медынца отправили наверх, на второй.

Они взошли по лестнице – лифт не работал – и услышали негромкое бормотание. Доносились оно из открытой двери дальнего кабинета. Там кто-то ходил взад-вперед, притопывая ногами, и что-то бормотал неуверенно дребезжащим голосом, в котором то и дело прорывалось веселье.

Медынец, как старший по званию, пошел первым. Миновал две закрытые двери. Голос стал громче. Теперь уже можно было разобрать, что там бормочут. Он прислушался.

– Голова-голова... – продребезжал мужской голос.

Медынец оглянулся на Кротова. Тот сильно побледнел, взгляд его был направлен куда-то вниз, в покрытый коричневым линолеумом пол. Медынец опустил голову.

– Голова-голова... – Топ-топ, хлоп-хлоп. – Зачитай мне права...

По полу расплзлось темно-красная лужа.

– Голова-голова, зачитай мне права! – Смешок.

Медынец выдохнул, кивнул Кротову – тот кивнул в ответ – и встал в дверном проеме, крикнув:

– Стоять! Руки за!..

И осекся.

Кабинет был довольно большой. Три больших коричневых шкафа – один платяной, два книжных; два стола, несколько стульев. Один из столов был завален бумагами, со второго все было сброшено на пол: какие-то схемы, справочник по радиотехнике, старый черный телефон с белым диском...

На этот стол ножками кверху был водружен стул, и на одну из его ножек...

До того, как появилась фотография, моментальные снимки вмораживались непосредственно в мозг. Снимков получалось немного, были они обычно не слишком точными, и показать их кому-нибудь тоже было проблематично...

А избавиться – невозможно.

Медынец попытался отогнать видение. Не вышло. Он скрипнул зубами и достал телефон. Ответили почти сразу же.

– Алло!

– Приветствую. лейтенант Медынец беспокоит. С кем говорю?

– Прошу прощения. Сержант Васильев.

– А, приветствую, Леша. Я в Белужине сейчас. Пара вопросов возникла. Поможете?

– Разумеется, о чем разговор.

– Значит, так... Пару лет назад, в сентябре две тысячи четырнадцатого, здесь накрыли небольшую секту. Вернее, не так. Секту не накрыли, взяли женщину, вероятно руководителя. Ее отвезли в Москву, в нашу клинику...

– Сейчас. – В телефонной трубке раздалось клацанье. – Да, вот. Вижу. Коренева Ирина Сергеевна, шестьдесят пятого года рождения...

– Какого?! – У Медынца отвисла челюсть.

– Написано – шестьдесят пятого. Выглядит моложе, только страшная, как... хм, а тут ничего...

– Где она сейчас, не подскажешь?

– Подскажу. Москва, улица – не смейся, пожалуйста – Медынская, дом одиннадцать, квартира сорок девять. Насколько можно судить, с тех пор никуда ни разу не выезжала и не очень-то хочет. Не работает, наблюдается в психе, в кожвене и... и, собственно, все.

– Ага... Дело кто вел? Симаго?

– Точно.

Медынец помолчал.

– Хорошо, Леша, спасибо большое. Пришли-ка мне эту информацию, а то забуду к чертовой матери.

– Есть.

– Спасибо еще раз. Отбой.

Руководство по эксплуатации

Четыре с небольшим миллиарда лет тому назад в недосформировавшуюся протопланету, которую впоследствии назовут Землей, врезалась другая протопланета. Она выдрала из Земли приличных размеров кусок вещества, который – опять же впоследствии – назвали Луной.

В целом это верно. Люди ошибаются лишь в размерах протопланеты – в большую сторону, – скорости ее движения – в меньшую, – а также в ее поименовании.

Чтобы точно выяснить, что именно на самом деле ударило в Землю четыре с лишним миллиарда лет назад, следовало бы пробурить шахту к центру тяжести Луны.

Следовало бы. Но не нужно.

Федор Христофоров

Дверь в библиотеку отворилась, впуская незнакомого парня в распахнутой легкой серой курткой. Федор аккуратно отложил в сторону «Руководство». Многовато что-то незнакомцев развелось. Вчера, сегодня...

Посетитель остановился, внимательно оглядел помещение и направился к столу Федора.

– Здравствуйте, – осторожно сказал тот, чуть привстав с кресла.

– Добрый день. – Вошедший слегка наклонил голову и сунул руку в карман. – Сидите, пожалуйста. Разрешите представиться: Сержант Кротов. С ударением на «о», – неожиданно добавил он, предъявляя удостоверение.

– На которое? – тупо спросил Федор.

– Если не возражаете, на первое.

Федор сморгнул.

– Очень приятно...

– Сомневаюсь. Как я могу к вам обращаться?

– Э... Простите. Федор Христофоров. Можно Федя... С ударением на «ф»... А что случилось?.. Да вы присаживайтесь.

Кротов поддернул брюки, осторожно опустился на стоявший неподалеку складной стул и кивнул:

– Благодарю. Вы, наверное, слышали о пожаре?

И он махнул рукой куда-то в сторону реки.

– Да, знаю... Прочитал сегодня утром, ну, когда на работу пришел...

– Как там наша машинка получилась, ничего, а? – Кротов усмехнулся левой половиной лица. Правая осталась серьезной.

– Ну... вроде похоже.

– Не знаете, кто щелкнул?

Федор молча развел руками.

– Ничего, это я на всякий случай. Теперь... Скажите мне как профессионал профессионалу: вы слышали что-нибудь о «Церкви Блаженной Тишины во Мироздании»?

– Нет, – брякнул Федор и прикусил язык, да поздно. Слово не воробей. Поэтому он спросил: – А такая есть? Здесь, в Белужине?

– Думаю, что нет. Но проверить надо.

– Понятно. – Федор набрал словосочетание в поиске по базе. – Нет результатов.

– А вы здесь работаете?.. – И Кротов вопросительно взглянул на Федора, давая тому закончить фразу.

– Два года.

– Надо же, а с виду обычный человек, – пробормотал сержант и добавил: – Извините. Профессиональное.

– Гм... В общем, нет результатов.

– Жаль. Тогда давайте займемся делом менее интересным. Принесите мне, пожалуйста, подшивку местных газет за последние полтора года.

– Сделаем.

Петр Медынец

Медынец спустился на первый этаж, заглянул в гардероб, нашел там электрощиток и включил три автомата, подписанные «подвал». Потом обогнул неработающий лифт и открыл дверь на лестницу.

Интересно, где его тогда нашли?

Стены в подвале были выкрашены в невнятный серый с прозеленью цвет. Звук шагов отскакивал от бетонного пола, пропадал за поворотом коридора и растворялся там без остатка. С потолка между труб разного диаметра свисали на проводах две тусклые оранжевые лампочки в плафонах толстого стекла.

Дальше одна за другой шли три большие комнаты. В первой стояло четыре стула и два письменных стола, поставленных один на другой, во второй на полу были свалены несколько старых, советского периода ЭВМ, у одной из которых был разбит монитор, третья уставлена стеллажами с картонными ящиками.

Ничего этого Медынец не помнил. Зато он помнил – знал – предчувствовал – большую, тяжелую, выкрашенную коричневой краской дверь, прятанную за последним стеллажом.

Есть.

Здесь следовало остановиться. Постоять, потоптаться на месте, подумать, Кротову вот на всякий случай звякнуть, спросить, как дела, может быть, даже выйти на свежий воздух, если сеть до подвала не дотягивается...

Медынец достал из кармана связку ключей – руки чуть подрагивали – и принялся искать подходящий.

Подходящего не было.

Даниил Кротов

В полдень Кротов осознал, что или он сейчас съест что-нибудь и потом посидит полчасика с закрытыми глазами, или он кого-нибудь убьет. Но библиотекарь еще мог пригодиться, а других кандидатов под рукой не было.

Он закрыл очередную газету, с некоторым трудом выбрался из-за стола, постоял скрючась некоторое время, потом со стоном разогнулся.

– Послушайте, Федор... А вы герой. Вот так всю жизнь... Вам орден нужно! Ох... Сутова третьей степени... Вы, наверное, знаете в Белужине такое место, в котором меня накормят чем-нибудь нелетальным?

Библиотекарь озадаченно посмотрел на Кротова, бросил взгляд на часы, хлопнул ладонями по столу и принялся размашисто чиркать что-то ручкой на листе бумаги.

– Карту рисуете? – спросил Кротов. – Мне адреса достаточно.

– Нет, записку пишу, – ответил библиотекарь. – Вдруг кому вздумается зайти. Маловероятно, но... – Он смутился. – То есть, конечно, если вы не против компании...

– Не против. Пойдемте. Заодно расскажете мне о местных достопримечательностях.

– Да было бы о чем.

Выйдя на улицу, Федор запер дверь и подsunул под стекло вывески листок с надписью «обед».

– Это далеко? – осведомился Кротов. – Можно на машине.

– Нет-нет. Минут пятнадцать нога за ногу.

– А что там? Не МакДональдс часом?

Библиотекарь рассмеялся:

– Нет. Они у нас не приживаются. При мне раза два пытались открываться, да так и... Там обычная столовая. В ностальгическом таком ретро-стиле. Рожденном в СССР.

Они свернули с улицы Достоевского, где стояла библиотека, на так и не переименованную улицу Ленина, добрались до здания горсовета и свернули на неприметную тропинку, проходившую между старых голубых елей.

– Эка законспирировались-то, – пробормотал Кротов.

– А то. Все ж для народа, – откликнулся Федор.

– То есть?

– Слуги его тут обедают, – пояснил библиотекарь и снова смутился.

Кротов подмигнул ему, чтобы парень не очень терялся в присутствии какого-никакого, а все-ж-таки представителя власти. Тем более что сам представитель в целом сочувствовал подобным настроениям.

Чтобы не слишком выделяться, Кротов заказал то же, что и Федор: нелюбимую с детства крошку, поджарку с гречкой и стакан компота. По деньгам выходило более чем терпимо. Даже странно, что посетителей не было.

Федор занял один из столиков в уголку почти пустой столовой. Кротов пристроился напротив, тот пожелал ему приятного аппетита и принялся за еду.

Когда молчание стало совсем в тягость, Кротов поднял голову и спросил:

– Знаете, где Велужбин находится?

Федор уставился на Кротова, моргнул пару раз и сказал:

– Ну, в общих чертах.

– Так вот нас сначала туда направили.

– Почему?

– По ошибке.

Федор кашлянул. Видимо, пытался представить, каких еще ошибок следует ожидать от таких органов.

– Ничего себе крюк, а? – Кротов усмехнулся и принялся подбирать корочкой хлеба подливку с тарелки.

– Говорят, – осторожно сказал Федор, – что там у автовокзала шашлычная есть очень приличная. И недорогая...

Кротов застыл. Он высоко задрал брови, придав лицу страдальческое выражение, посмотрел куда-то в угол между стеной и потолком и сказал печально:

– Все всегда узнаю последним... Вернусь – поубиваю всех к такой-то матери.

И отхлебнул компота.

– А кого это «вас»? – поинтересовался библиотекарь.

Кротов поперхнулся и некоторое время кашлял, ударяя себя в грудь кулаком.

– Ну нельзя же под руку-то! – воскликнул он. – Так и до покушения при исполнении недалеко... Кхе. А «нас» – это «меня и моего напарника». Он сейчас...

Зазвонил телефон. Кротов сунул руку во внутренний карман куртки, посмотрел на экранчик:

– Он сейчас сидит в телефоне... Да, слушаю!

– Как дела, Кротов? – спросил Медынец.

– Ничего. Пусто.

– Так и знал. Слушай, вопрос есть. А где вы меня нашли?

– В смысле? – не понял Кротов.

– В прямом. Два года назад, в подвале...

– А, вот ты о чем. – Кротов осекся, вытаращился на библиотекаря и заорал: – Идиота кусок!!! Рехнулся совсем?! Какого ты один в подвал полез?!

Теперь поперхнулся Федор. А Медынец, помолчав пару секунд, сказал нарочито спокойно:

– Сержант Кротов, вам напомнить, как следует обращаться к старшему по званию?

Кротов умолк.

– Я жду ответа на поставленный вопрос, сержант.

– Виноват, – буркнул Кротов. – Мы нашли вас на полу, рядом с каким-то компьютерным хламом.

– Слушай, – сказал Медынец примиряюще, – я все понимаю, но твой напарник уже взрослый дядя и знает что делает. Договорились?.. Хлам я видел. Один монитор даже разбит.

– Это, наверное, вы тогда...

– Все-все. Проехали, Данила. Давай теперь по-человечески. Дальше кто-нибудь ходил?

– По коридору? Я. Прошелся туда-сюда.

– Ничего не нашел?

– А что там искать-то было? Разве в коробках...

– Нет, – перебил его Медынец. – Там дальше дверь была открыта или нет?

Кротов помолчал, припоминая.

– Дверь? – переспросил он. – Не помню. Кажется, двери вообще не было. Стенка и стенка... А сейчас она там?

– Нет, – чуть неуверенно ответил Медынец и поправился: – То есть, не видел. Я разбитый монитор нашел и вышел тебе звонить.

– Слушай, не лазай там больше один!

– Беспкоишься? Спасибо. Ладно, не буду. Где машина сейчас?

– У библиотеки, – отозвался Кротов.

– Понял. Тогда я ее конфискую. Сгоняю до Москвы и обратно. Вопрос один выяснить... А ты вот что. Ты дуй в полицейский участок, пусть поднимут списки пропавших за эти два года. Все, отбой.

Кротов мрачно посмотрел на трубку и сунул ее в карман.

– Ну и дела... Извините, Федор. У нас тут... А, черт! Слушайте, где здесь полицейский участок?

Ирина Коренева

Ирина прищурилась на яркое солнце. Многим, она слышала, не нравилось, что лето выдалось жарким. Так ведь лето же! Когда же еще должно быть жарко, как не летом?!

Она неспешно двинула в сторону магазина, специально выбрав тот, что подальше. Надо было прогуляться...

Со стороны железной дороги – далеко, отсюда не видно – донесся резкий предостерегающий гудок «беркута». Ирина вздрогнула. Свет солнца сразу чуть померк и утратил свою радость. Надо выходить из дома попозже. Или пораньше.

Господи, неужели этот поезд всегда будет портить ей настроение?

Дойдя до «Пятерочки», Ирина взяла большой пакет макарон, сосиски, кусок дешевого сыра и три бутылки «Балтики». Профессионально дружелюбная и неназойливая кассирша мельком глянула на странную покупательницу, отсчитала сдачу с пятисот рублей и, когда Ирина пошла к выходу, не удержавшись, украдкой проводила ее взглядом.

Нет, бесцветная девочка-кассир вовсе не была «подопечной» Ирины – хотя, судя по всему, и могла ей стать; характер подходящий. Просто чтобы не чувствовать подобных взглядов, шкуру надо иметь в пару сантиметров толщиной.

Полицейская машина, неторопливо двигавшаяся вдоль тротуара, скрипнула тормозами. Дверца со стороны пассажира открылась, и из салона вылез непонятно как упаковавшийся туда полицейский двух с гаком метров роста. Ирина с любопытством взглянула на него и сунула руку в задний карман джинсов.

– Старшина Никодымов. – Полицейский приложил руку к виску.

– Добрый день, – приветливо улыбнулась Ирина.

– Кхм... – Полицейский немного смешался. – Добрый. Будьте до... – Он уставился на паспорт, который Ирина держала в протянутой руке. – Мысли читаете.

– У вас все на лице написано. А телефон у меня вы вряд станете спрашивать.

– Ну почему же? – проворчал полицейский, раскрывая паспорт.

Ирина продолжала улыбаться. Полицейский сличил лицо Ирины фотографией, вчитался и вдруг густо покраснел. Вернул паспорт, козырнул еще раз и, брякнув «Виноват», принялся паковать обратно в машину. Ирина, наклонившись, заглянула в окошко и игриво пошевелила пальчиками свободной руки. Старшина Никодымов утирал лицо мятым, не первой свежести платком.

Машина отъехала. Вообразить проистекавший в ней диалог не составляло большого труда.

– Взял?

– Да иди ты...

Смешок.

– Не дала?

– И не спрашивай...

– А чего?

– Ей за пятьдесят!

– Да ну?! – Взгляд в зеркало заднего вида. – Правда? А со спины – студентка студенткой...

– Да поехали уже!

Ирина перехватила пакет поудобнее и побрела к дому. Надо было попросить подбросить пожилую женщину... А, ну их, там небось духотища страшная...

Ирина раздраженно выключила телевизор. Смотреть его она не могла, а слушать было неинтересно. Макарон себе сварить... Она направилась на кухню, набрала в кастрюлю холодной – другой не дают – воды и поставила на конфорку. Потом откупорила первую бутылку пива.

На работу, что ли, устроиться? Желание это посещало Ирину довольно регулярно, и если бы не дочка...

Влада была против. Она не без оснований считала, что мамин нервный срыв был как раз и связан с ее работой, хотя казалось бы, ну что там в библиотеке может случиться? Не магазин ведь, не банк...

Дочь осталась единственным близким человеком Ирины, и ссориться с ней по пустякам, даже если это не совсем пустяки, не хотелось.

А с другой стороны – куда ей? За компьютером работать не может, а так... Разве что курьером.

Вода в кастрюле и не думала закипать. Ирина прижалась лбом к оконному стеклу, прикрыла глаза...

...Четырехполосное шоссе, изрядно уже загружено, что, интересно, будет на МКАДе, а вот и МКАД, теперь на развязку, куда прешь, придурок, не видишь, синие номера, кретин слеподырый, теперь направо, ага, навигатор бубнит, ну и райончик мадам выбрала, никому не пожелаешь там работать...

Бутылка ударилась о керамическую плитку пола и разбилась. Осколки стекла и пиво брызнули во все стороны.

Плевать. А вот что не плевать, так это то, что к ней кто-то в гости намылился.

Кто-то. Ирина усмехнулась. Тот полицейский в штатском, рыжий и наглomorдый, которого она когда-то предупреждала не лазать больше в подвал.

Не послушался, гаденыш.

Значит, Хозяин проснулся.

Но что надо этому?.. Впрочем, он и сам-то не понимает, на кой черт сюда едет. Слишком самоуверен и самолюбив, чтобы пройти мимо власти, мимо иллюзии власти, мимо...

Ирина подняла с поло отбитое горлышко бутылки и вышла из квартиры, оставив закипающую кастрюлю на плите.

Петр Медынец

Огуречного цвета жигуленок подрулил к кирпичной девятиэтажке, построенной где-то в конце шестидесятых. Такие строили не то зеки, не то стройбаты... Короче, дерьмо. Медынец выбрался из машины, заглянул в телефон, где был написан номер дома и квартиры, и направился ко второму подъезду. В голове – или еще где-то – Медынца поселился сбрендивший компас, который никак не желал показывать направление, лишь стрелка его крутилась тем быстрее, чем ближе он оказывался к Кореневой.

Будь у него время, он бы, наверное, и безо всякого адреса отыскал библиотечаршу. Но есть ли у него это время?

Медынец открыл дверь подъезда универсальным ключом и вызвал лифт. Сорок первая квартира. Значит, где-то на третьем этаже...

Двери лифта раскрылись в крошечную темноту. Куда, интересно, смотрит управляющая компания? Нет, ну понятно куда – в кошелек.

Медынец шагнул на лестничную площадку – стрелка завращалась как бешеная – и подошел к сорок первой квартире. Что-то не так...

Крепкая худая рука обхватила его шею, к горлу справа прижалось что-то острое, прохладное и пахнущее пивом.

– Здравствуйте, юноша! – усмехнулась женщина ему в ухо. – Давно не виделись. Ты ведь видишь меня?

Он видел. В том-то и дело – видел...

– Значит, так. Оружие сюда. Медленно и аккуратно.левой рукой. И даже не думай... – Она чуть повела острым – разбитой бутылкой – по его коже. – Осознал?

– Да...

– Умница. Давай, шевелись.

Медынец послушно достал из кобуры пистолет и поднял руки, держа оружие на пальце. Женщина вырвала оружие у него из рук.

– Осторожнее, черт! Сломаешь ведь!

– Ну-ну, юноша. Заплачь мне еще. Пойдем-ка поговорим. – Коренева втолкнула его в квартиру. – Это ты сюда пришел, так что давай-ка веди себя прилично.

– Ты не понимаешь, кто я? – Медынец развернулся к ней лицом. – Я!..

– Все я понимаю. Ты – недоделанный слуга моего Хозяина. А он, значит, проснулся и прислал тебя, так?

Медынец вытаращился на нее.

– Что вы?..

– Крепкий орешек, – усмехнулась Коренева и врезала ему коленом в промежность. – Даже два крепких орешка, да? Не пудри мозги. Ты еще в Москву не въехал, а я уже знала, кто ты, куда и зачем. Я слушаю. – Она наставила на него пистолет, потрогала пальцем курок. – Нажимать сюда, правильно?

Медынец растерялся. Пока он ехал, он пытался представить себе этот разговор – но все должно было выглядеть совсем не так, совсем. Особенно не предполагалось, что женщина будет угрожать ему же собственной вольной...

– Послушай... те... Я... Вы разве не смотрели телевизор?

– Ты идиот. Перед тем как ехать, надо было прочитать мое личное дело.

– Я... Ладно. Нас вызвали на пожар. Был звонок... В общем, приехали...

– Вас? А, тебя и этого мальчика... Я его помню. Хороший мальчик, не в пример некоторым. Дальше.

– Дальше – приехали, пожара нет...

– А я тут при чем? Думаешь, я замолвлю за тебя словечко перед своим предшественником?

Боль внизу живота и так мешала Медынце нормально соображать, а теперь он запутался окончательно. Библиотекарьша-коммандос...

– Что-то я еще забыла, – протянула Коренева. – Ах, да. Ты ведь у меня в гостях. Пойдем чайку попьем. Макарон тебе дам погрызть...

Женщина повернулась к нему спиной. Медынец сделал было шаг вперед, как она снова наставила на него пистолет. Не оборачиваясь. Ствол смотрел прямо в его правое колено.

– Давай-давай. Рискни здоровьем.

Медынец уселся на стул в наполненной паром кухне. Коренева, сунув пистолет в задний карман джинсов, занялась макаронами.

– Куда смотришь? – спросила она и добавила, поскольку он не ответил: – Все вы, менты, одинаковые... Ладно, не обижайся. Привык, понимаешь, что при слове «полиция» человек начинает ходить на цыпочках. Даже невиновный.

– Что ты собираешься со мною делать? – хрипло спросил Медынец.

– Использовать в особо циничной форме, – буркнула Коренева. – О, испугался... Кормить, что же еще. Сейчас вот доварятся... Потом отвезешь меня в Белужин. Посмотрю, что к чему.

Медынец не поверил своим ушам. Зачем же тогда было кидаться на него с розочкой, отнимать табельное, между прочим, оружие, бить по яйцам...

– А чтобы спесь сбить, – усмехнулась Коренева. – Больно уж ты шустрый, куда мне за тобой угнаться в моем-то возрасте.

– Ты... вы... Мысли читаете?

– Раньше мог бы сообразить. Не читаю. Смотрю. Как по телевизору со сломанной антенной.

– У всех?

– Еще чего. Только у таких вот, как ты.

– И...

Медынец замаялся. Разговаривать с человеком, который видит его практически насквозь и к тому же годится в матери, было неприятно. Словно он сидел в кабинете руководства без штанов.

– Поеду, конечно. Я ведь сказала уже.

– А зачем вам это?

– Ну как? Ты ведь на мое место нацелился. Надо же тебя познакомить с коллективом, дела передать...

«Врет», – подумал Медынец. И плевать, что эта мысль, наверное, горит в его голове как неоновая реклама. Не может она правду говорить.

– А это думай как хочешь. – Коренева встала, попробовала макароны, поморщилась. – Ну вот. Подсолить забыла. Ладно. Много соли вредно. И не трогай телефон, пожалуйста.

Медынец, сунувший было руку в карман ветровки, поспешно отдернул ее. Вот ведьма. Но если не врет... то скоро он и сам будет вот так же...

На эту мысль Коренева не отреагировала никак. Просто сидела, положив ногу на ногу, и покачивала серым, выдавшем виды кедом.

– Кто он? – спросил Медынец неожиданно сам для себя.

– Кто? А, Хозяин? Давай потом. Перед едой об этом не хочу. А вот как в машину сядем да из города выберемся, там и расскажу, что знаю. Будешь иметь представление. – Она вздохнула. – И бледный вид вдобавок.

Федор Христофоров

Федор вернулся в библиотеку. Уселся в привычное кресло, подумал немного – и набрал «Церковь Блаженной Тишины во Мироздании». Очевидно, гугл знает не все... Он достал «Руководство» и открыл на последней странице.

Подписано в печать 05.08.20xx.

Формат 16x90, 1/16. Бумага офсетная.

Печать оперативная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 8 экз.

Федор несколько раз перечитал первую строчку выходных данных.

Утром подписано в печать, днем принесено, вечером...

Может, стоило все-таки обсудить с Кротовым?

Петр Медынец

Фары встречных машин слепили глаза. Медынец покосился на Кореневу.

– Ты обещала рассказать, кто он. Мы в машине.

– Обещала... Я говорила, что тебе это ничего не даст?

– Да. Я слушаю.

В своем мире Он был Хозяином. Где этот мир с нашей точки зрения – неизвестно. В человеческой терминологии Он не силен.

Когда-то давным-давно он создал себе работников. Пользовался их услугами, а впоследствии предоставил их самим себе. Они же в конце концов ухитрились заточить Хозяина в тюрьму, которую затем выкинули в Пространство. Тюрьма должна была оказаться где-то на окраине Вселенной.

И оказалась. Но работники просчитались. Тюрьма ударила в планету, еще не сформировавшуюся как следует – впоследствии эта планета получила название «Земля», – выдрала из нее приличный кусок планетарного вещества, который теперь называется Луной... и распалась на две неравные части. «Контрольная аппаратура», если это можно так назвать, осталась в Луне, где-то в районе ее центра тяжести. А сама «темница» с Хозяином оказалась в некоем странном пространстве-времени, отличном и от нашего, и от своего собственного.

Между тем, работником их бесхозяйственное существование стало доставлять серьезные неудобства. Они к тому времени начали потихоньку вырождаться. И решили найти Хозяина, чтобы он помог им все исправить.

– Так себе мотивация...

– Понимаешь, работники переписали историю. Представили себе все так, словно они должны освободить Хозяина.

– Понимаю. Про время не понимаю, а про историю – конечно.

Они нашли Луну и потеряли половину команды, в основном инженеров, пытаясь запустить процесс обратно. Но им только удалось вырвать тюрьму в наше пространство-время и зафиксировать там, где она сейчас находится. Явились на Землю. Заглянули в тюрьму.

Она оказалась пуста. Хозяин остался снаружи, на изнанке тюрьмы.

– Как это?

– Хозяин словно заключает тюрьму в себе, но уйти от нее не может. Вернее, это с моей точки зрения... Не перебивай.

Работникам пришлось импровизировать. Наконец Хозяина удалось втащить в тюрьму, после чего они потеряли еще троих и сбежали. Решили, что это не Тот Хозяин, а его ужасная сторона, новое воплощение. Эту ужасную сторону следовало отделить от Хозяина, чтобы избежать дальнейших жертв.

Вернувшись второй раз к тюрьме, работники нашли людей. Над тюрьмой тогда возникло единственное в своем роде капище Мудра Безглавого...

– Кого?

– Мудра. Безглавого. Слышал о таком?

– Никогда. Мудр Безглавый, надо же...

– Мудро. Безглавое. Среднего рода.

– Еще лучше.

Людей решено было использовать для отделения ужасной стороны Хозяина от всего остального.

Отделили. Хозяина сделалось двое. И обе части оказались темными.

Работники – те, что остались живы – снова отступили. Капище было полностью разрушено, камни разбросаны по окрестным рекам и озерам. О Мудре Безглавом позабыли.

Тюрьму обнаружили лишь в советское время. Решили, что это чужая аппаратура для связи с внеземным разумом, обитающим неизвестно где. Выстроили над ней «отделение связи», неподалеку заложили город.

Один из камней капища оказался под библиотекой. Библиотекари там не задерживались. Что касается «связи», то конкретных результатов так и не дождались.

– Это я знаю.

– Да ну? Хорошо.

Вернулись работники. Выглядело все так, словно их призвали. Были жертвы, руководство посадили, на экспериментах поставили крест. Тем более, что из отчетов следовало, что вся так называемая аппаратура уничтожена

Уже в девяностые люди снова нашли тюрьму. Так возник «культ Малахита». Сначала они просто «общались с Богом», но тому удалось передать, чего Он хочет. Снова начались эксперименты, в основном наивные. К сожалению, служители культа разбудили кого-то из работников, которых Хозяин во время последнего своего появления прихватил к себе.

В двухтысячные тварь ненадолго вырвалась из заточения...

– Тварь?

– Да. Хозяин и один из работников частично поглотили друг друга, заодно прихватив человека – главного служителя. Не без моей помощи. А потом пришли вы... Тогда. – Ирина качнула головой.

– И?..

– И все. Теперь Хозяина пятеро. И двое из них могут говорить. Между собой...

Медынец побарабанил пальцами по рулю.

– И что теперь делать?

– Это ты сейчас у кого спрашиваешь? У старой беспомощной женщины? – Ирина расмеялась. – Ты сначала доведи меня до Него, а там посмотрим.

Руководство по эксплуатации

Историческая справка

Крошечное безымянное поселение на левой стороне дороги Н-ск – Е-мц (позже – Белужинского Тракта) возникло в конце восьмисотых годов нашей эры, лет за сто до крещения Руси. Насчитывалось в этом поселении едва ли полтора десятка домишек. Причем видно было, что сначала дома стояли вдоль самой дороги, а со временем их словно перенесли чуть поодаль.

Редкие путники, случайно забредшие в это поселение, после изумлялись доходившей до враждебности замкнутости поселян. Чужаков здесь не любили, а потому те старались убраться подобру-поздорову. Обычно удавалось. Слухи ходили разные, однако странное дело – очень быстро они забывались всеми, кроме разве что самих рассказчиков. А поскольку деревушка имени своего не имела, то сидящие где-нибудь на постоялом дворе или в харчевне двое путешественников рассказывали один про Смурное, другой про Поганки, часто и не догадывались, что говорят об одном и том же.

Крещение деревню если и затронуло, то вскользь. Церковь построить никто не пытался аж до Ивана Третьего. Попытка оказалась неудачной.

В самом начале восемнадцатого века представители стремительно нищавшего дворянского рода Кундрюковых набрали на эту деревушку, без особых сомнений назвали ее Кундрюковкой и даже выстроили небольшую аккуратную усадьбу. Деревенские были не против. Они, казалось, вовсе не заметили прибытия, а равно и исчезновения дворян, которые сгинули еще до отмены крепостного права.

После революции ни от усадьбы, ни от самой деревеньки не осталось и следа.

А в тысяча девятьсот шестьдесят первом был заложен поселок городского типа под названием Белужин...

Ирина Коренева

Ирина прикрыла глаза. В такое время она – что в больнице, что дома – обычно уже спала или, по крайней мере, лежала в кровати, пытаясь заснуть. Ну и при прочих равных ночное путешествие с честолюбивым психопатом, который сам очень смутно понимал, на что и зачем идет, было не лучшим времяпрепровождением.

Она задумалась. Может, просто дать Медынце по голове? Или воспользоваться его пистолетом?

Но дома ей просто повезло. Парень не сообразил, что она его тоже чувствует, и к упреждающему удару оказался не готов. Теперь – это Ирина видела ясно – он предупрежден и, следовательно...

Она вскинулась и уставилась вперед.

– Что? – немного раздраженно спросил Медынец.

Ирина слабо улыбнулась. Да, сейчас он удар не пропустил бы.

– Ничего, Петечка... Разве ты не чувствуешь?

– Чего не чувствую? – он покосился на нее одним глазом.

– Хозяин нас ждет.

– Нет, – буркнул Медынец.

В лобовое стекло автомобиля ударил яркий свет. Медынец вывернул руль и заорал:

– Куда прешь, скотина?! – заглушая себя гудком.

Междугородний автобус, шедший в Москву и уже залезший на встречную полосу левыми колесами, вильнул в сторону и сильно сбавил скорость.

Ирина охнула и только покачала головой:

– Надо же... И в моем возрасте, оказывается, развлечений не только в поликлинике найти можно...

– Это так нас Хозяин ждет?! – прорычал Медынец.

– Ну-ну, Петечка...

– Или это один из твоих служек?

– Ты меня уморишь! – Ирина вытерла заслезившиеся от смеха глаза и спросила: – Посмотри, у меня тушь не потекла?

– Ты не красилась, – ворчливо отозвался Медынец. – Но я безумно рад, что...

– Вижу, что безумно. Значит, ничего не чувствуешь? Жаль. Нет, это не из наших, я бы знала. И потом, сейчас их вмешательство ни к чему.

– И на том спасибо. Нам еще час ехать. Но ты предупредишь меня, если?..

– Они решат нас остановить? – договорила за него Ирина. – Не решат.

Федор Христофоров

Федор посмотрел в безоблачное небо. Небо в ответ посмотрело на него.

Никто не придет. Вот придурок. Ясно же – приснилось. Начитался всякой ерунды...

– Добрый вечер. Все читаете? – раздался из-за спины голос Кротова.

– Вам тоже не спится, да? – спросил Федор, не оборачиваясь. – Интересно бы я выглядел. С книжкой, с фонариком... Так и до дурдома недалеко.

– А, бросьте. – Кротов уселся рядом на траву. – И подурнее видали...

– А что вы тут делаете?

– Вам честно?..

Федор не ответил. Он вглядывался куда-то вдаль, в темноту. Кротов, кажется, напрягся.

– Что там? – спросил он, понизив голос.

– Не пойму... Вы ничего не видели?

– Нет.

– Показалось, – буркнул Федор. – Уйду, к дьяволу, с этой работы. Вагоны разгружать...

– Вас не возьмут, – машинально ответил Кротов, тоже напрягая зрение. – Очень работа нервная.

Ирина Коренева

У Белужина они оказались в половину двенадцатого.

– Времени почти не осталось, – сказала Ирина и требовательно поцелкала бледными, словно светящимися в полумраке пальцами: – Мне нужен телефон.

– Что-то ты раскомандовалась...

– Молодой человек. Я не поняла, у кого здесь оружие?

– Возьми в бардачке, – буркнул Медынец. – Свой надо было...

– Не догадалась зарядить. – Ирина продемонстрировала ему темный экранчик телефона.

Потом усмехнулась: – И правильно раздумал.

Медынец понял, что она опять читает его мысли.

– А что бы ты сделала? Пришла бы?

– Нет, – бросила Ирина, неуверенно набирая номер. – Пять или семь?.. Пять... Я бы стуканула куда следует. Рассказала бы, что вижу в твоей голове.

– И что же?

– Такое, что тебя по ней точно... Алло! – оборвав тираду, сказала она в трубку.

– Добрый вечер, – ответил знакомый голос.

– Узнаешь меня, Шурочка?

– Да, Ирина Николаевна...

– Я же просила!

– Простите... Мы... мы ждем.

– Вот как? – Ирина покосилась на Медынца. – Я очень рада, Шурочка. Где?

– На территории.

– Хорошо. Мы скоро будем. – Ирину отняла телефон от уха и усмехнулась: – Все как надо.

– Они что, там уже?

– Ты и правда дурак. Кадры надо уметь подбирать.

– А ты, значит, умеешь... Учту.

Ирина покосилась на Медынца. Он не был одержимым. Во всяком случае, не в том смысле, в каком были одержимы те, кто сейчас собрался у ящика. Он был, конечно, отмечен печатью Хозяина – но и только. Его вела жажда новых возможностей – тех, что обычно сулит власть. Из-за этой жажды он, похоже, не раз шел на какие-то нелепые авантюры, за которые потом расплачивался сидением на одном месте, невозможностью подняться по служебной лестнице, статусом «неблагонадежного»...

И сам он не остановится.

Телефон зазвонил еще раз. Ирина выронила его от неожиданности, поймала и поднесла к уху:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.